

Чжуан Фуцин видел, что из тех, кого он позвал нести гроб, никто так и не пришел, и в спешке принялся звонить остальным.

Чжуан Сяошэн, заметив, что Мастер инь-ян уже вовсю хлопочет перед гробом, велела Лу Угуй немедленно идти туда же, а сама помогла девочке снять с себя красные нити и медные монеты.

Вскоре все приглашенные Чжуан Фуцином носильщики собрались во дворе и вместе с Мастером инь-ян принялись готовиться к выносу гроба. Но стоило только закрепить носилки и привязать к крышке большого красного петуха, как нагрянули люди Лао Цая, требующие денег.

Глава 9

Двое родственников Лао Цая преградили путь к гробу Даоса Сюя. Жена Лао Цая направилась прямо к Чжуан Фуцину и заявила, что ее муж пострадал, помогая с похоронами Даоса Сюя, и если им не выплатят восемьдесят тысяч юаней, они не позволят вынести гроб из дома.

Лу Угуй, облаченная в траурные одежды и держащая в руках поминальную табличку, смотрела на гроб, который уже собирались поднять, чтобы нести на гору для погребения. Лишь в этот момент до нее по-настоящему дошло, что дедушки больше нет. Воспоминания о каждой минуте, проведенной с ним, проносились перед глазами, и чем ярче они становились, тем сильнее щемило в носу. Слезы градом покатались по щекам. Руки были заняты табличкой, вытереть их она не могла, отчего чувство обиды стало еще острее.

Вдруг раздался пронзительный вопль жены Лао Цая:

— Мой Лао Цай пострадал, помогая хоронить Даоса Сюя! Это из гроба Даоса Сюя выползла та змея! Если не выплатите восемьдесят тысяч, сегодня Даос Сюй никуда не отправится! Неужели жизнь моего мужа не стоит восьмидесяти тысяч?

Лу Угуй моргнула, и слезы, скатившиеся по щекам, иссыкли. Она подумала: «Это ведь ваш Лао Цай сам полез ловить большую белую змею, вот она его и укусила».

— Уйдите с дороги! — раздался внезапно гневный окрик Мастера инь-ян. — Сегодня до истечения часа Дракона Даос Сюй должен быть предан земле!

— Деньги, деньги, одни только деньги! Сборище алчных тварей, готовых мать родную продать! Вы сначала посмотрите, во что превратился ваш Лао Цай, а потом уже требуйте свои гроши! Вся ваша семья одной ногой в могиле, а вы все о деньгах печетесь! — Он взмахнул мечом из персикового дерева и скомандовал: — Поднять гроб!

Родственники Лао Цая, услышав крики Мастера, бросились в главный зал, но, взглянув на тело, с истошным воплем отпрянули назад и, спотыкаясь, выбежали во двор:

— Третий дядя... Третий дядя... Его сожгли!

Услышав это, жена и сын Лао Цая пришли в ярость! Они с воем бросились в зал, а затем, выбежав на порог, принялись осыпать Лу Угуй проклятиями, называя ее проклятой девкой, погубившей их кормильца. Жена Лао Цая выскочила вперед, вцепилась в гроб и попыталась взобраться на него, чтобы сорвать похороны и добиться своего.

Мастер инь-ян был так разъярен, что готов был проткнуть ее мечом. Его ученики вместе с родственниками Чжуан Фуцина поспешили оттащить женщину от гроба.

Чжуан Баого подскочил к ней и с размаху влепил пощечину, рывкнув:

— Решили, что в нашем роду Чжуан одни слабаки? На гроб лезть вздумала? Почему бы тебе не пойти на могилы своих предков нагадить!

Женщина, опешив от удара, на мгновение замолчала, а затем заголосила пуще прежнего:

— Чжуан Баого, ты староста деревни, государственный служащий, а сам людей бьешь! Убивают! Вы, Чжуаны, решили нас всех со свету сжить?

Лу Угуй неторопливо произнесла:

— Нам не нужны ваши жизни, это Лао Цай всех вас погубит. Я его не сжигала, это вчера, когда он ожил, его молнией ударило. Та молния даже в крыше нашего дома дыру пробила. Луна вчера была такой огромной, он сначала под молнию попал, а потом под лунный свет — он умер насильственной смертью, полон обиды, ему и семи дней под луной не нужно, он уже трансформировался в труп!

Один из родственников семьи Чжуан нахмурился:

— Эр-я, не говори ерунды!

Чжуан Фуцин тоже одернул ее:

— Эр-я, помолчи.

Родственники Лао Цая заметно побледнели.

Чжуан Сяошэн вышла из комнаты Лу Угуй и добавила:

— Если бы его сожгли, потребовалось бы топливо. И даже если бы тело решили сжечь, невозможно пробить такую дыру в крыше, при этом не оставив следов огня на стенах и полу.

Во дворе воцарилась тишина.

Сын Лао Цая вдруг заявил:

- Нет в этом мире никаких призраков! Это вы, чтобы денег не платить, его током ударили!
- Точно! Удар током высокого напряжения выглядит почти так же, как удар молнии.
- Арендовать портативный трансформатор в уезде стоит копейки.

Один из родственников Лао Цая добавил:

- Фуцин, заниматься суеверным мракобесием и осквернять труп — это преступление.

Жена Лао Цая снова вцепилась в веревки, которыми был обвязан гроб:

- Пока не решите вопрос с Лао Цаем, Даоса Сюя на гору не отправите.

Родственники Лао Цая окружили гроб, не подпуская никого из клана Чжуан. Мастер инь-ян дрожал от ярости. Чжуан Баого попытался вмешаться, но родственники Лао Цая тут же начали кричать, что подадут на него жалобу за превышение полномочий, чем окончательно вывели старосту из себя.

Мастер инь-ян засуетился:

- Час Дракона уже наполовину прошел! Если сейчас не успеем, быть беде во всей деревне!
- Дядя Ин, — насмешливо выкрикнул кто-то из родственников Лао Цая, — кто же не знает, что вы с Даосом Сюем закадычные друзья, вместе в одном хлеву сидели? Кто вам поверит?
- Именно! Если кому и суждено навлечь беду, так это Эр-я. Не хотите, чтобы она пострадала — решайте вопрос.

Чжуан Фуцин, взбешенный, бросился вперед, намереваясь пустить в ход кулаки. Родственники Лао Цая, заметив это, заголосили: — Что ты делаешь? Драться вздумал? — и тоже ринулись вперед. Началась потасовка.

Видя, что дело идет к драке, Лу Угуй положила поминальную табличку на стол, побежала к воротам и забору и принялась срывать наклеенные там талисманы. Чжуан Сяошэн, доведенная до ручки поведением людей Лао Цая, увидев странные действия девочки, подбежала к ней и схватила за руку:

- Что ты делаешь?

Лу Угуй прошептала:

- Вчера, когда Лао Цая принесли, я обклеила весь двор талисманами, чтобы его душа не вошла внутрь. Та молния вчера точно не ударила в его душу, она осталась снаружи. Если я сорву талисманы, он сможет войти.

Сяошэн побледнела, не зная, что и ответить.

Чжуан Баого подошел к Сяошэн и понизил голос:

— Сяошэн, может, стоит дать им денег, лишь бы отправить Даоса Сюя на гору? Так до бесконечности продолжаться не может.

Сяошэн покачала головой:

— Дядя Баого, они не из тех, кого можно откупить парой лишних купюр.

— Тогда вернем гроб обратно и будем проводить обряды еще несколько дней. Не поверю, что они оставят Лао Цая гнить здесь, пока мы будем молиться!

Чжуан Фуцин, услышав это, сказал Мастеру инь-ян:

— Дядя Ин, раз так, похороны придется отложить... проведем обряды еще несколько дней.

Мастер инь-ян беспомощно вздохнул и кивнул.

— Не хороним! Сегодня не хороним! — прокричал Чжуан Фуцин.

Его жена, обеспокоенная, спросила Мастера:

— Дядя Ин, это не повредит Эр-я?

— У нее судьба крепкая, она уже прошла через врата смерти, не волнуйтесь, — ответил Мастер.

— Не смейте уносить гроб! Пока не заплатят, ничего не будет! — кричала жена Лао Цая.

— Точно! Окружите гроб, не давайте им двигаться! Пока не разберутся с моим отцом, никаких обрядов! Он так и лежит на земле! — поддакивал сын.

Чжуан Фуцин был вне себя от гнева. Мастер инь-ян, видя этот балаган, не пожелал участвовать в распри. Он отвел Лу Угуй в сторону, присел за стол в углу и велел ей принести медные монеты и красную нить — он решил научить ее плести Монеты Пяти Императоров. Его ученики последовали за ними, чтобы хоть немного отдохнуть от шума.

Лу Угуй выложила монеты и нити на стол. Мастер отсчитал десять штук:

— Монеты Пяти Императоров делятся на Великие и Малые. Великие — это монеты пяти императоров Китая, Малые — эпохи Цин. Вот эти пять: Баньян династии Цинь, Юаньбао династии Сун, Учжу династии Хань, Кайюань династии Тан и Юнлэ династии Мин. Это и есть Великие монеты, представляющие пять стихий: металл, дерево, воду, огонь и землю. Видишь, внутри круглое отверстие, а снаружи квадрат? Это символ неба и земли...

Лу Угуй старательно училась, повторяя за мастером. Вскоре у нее получилось сплести связку Великих Пяти Императоров. Она подняла ее и спросила:

— Так правильно?

Мастер кивнул:

— Да. Это называется связка на красной нити, она защищает от злых духов и бед. Это Великие Пяти Императоров, они... — он не успел договорить, как Лу Угуй с криком «Сестренка Сяошэн!» сорвалась с места и побежала к ней.

Она подбежала к Сяошэн и ловко повязала ей монеты на запястье:

— Держи! Для защиты.

Сяошэн хотела развязать:

— Носи сама.

— У меня их еще полно, я еще сплету! Сделаю связку для Чжуан Фуцина, для его жены, себе оставлю, еще и на меч из монет останется, — ответила девочка.

— Хорошо, — ответила Сяошэн. — Иди поиграй с дедушкой Ином, у меня еще дела.

Лу Угуй ответила «хорошо» и, посмотрев на людей, убирающих посуду, спросила:

— Они уходят, а кто теперь будет кормить тех, кто придет к нам? И мясо, там столько гусятины, никто не ест. Дедушку сегодня не похоронили, мне нельзя есть, все испортится.

— В доме столько родственников, каждый возьмет с собой понемногу, и все разойдется. Когда закончим с делами дедушки Сюя, я свожу тебя куда-нибудь поесть, — пообещала Сяошэн.

— Хорошо, — кивнула девочка.

Вернувшись к Мастеру, она увидела, что тот пристально смотрит на нее.

— Тебе нужно сто восемь монет, чтобы сделать меч, — медленно произнул он.

Лу Угуй не поняла, к чему это, и перебрала всю кучу монет, но второй монеты Баньян не нашла:

— Почему только одна?

Мастер лишь закатил глаза. Девочке пришлось довольствоваться Малыми монетами династии Цин. Она сплела обереги для себя и семьи Чжуан Фуцина. Заметив, что Мастер все время вздыхает, она сплела одну и для него. Тот посмотрел на нее с таким выражением лица, будто у него случился запор, и после долгой паузы сказал:

— Эр-я, тело твоего дедушки еще не остыло.

Лу Угуй взглянула на гроб, окруженный родственниками Лао Цая:

— Я знаю, просто похоронить не удалось. — Она поражалась смелости этих людей: дедушка не погребен, в любой момент может восстать, а они уселись вокруг гроба и даже не думают уходить.

Когда рабочие уехали и родственники разобрали остатки еды, Чжуан Фуцин договорился с носильщиками, чтобы те пришли через семь дней, и вместе со Сяошэн проводил гостей.

Мастер инь-ян велел Лу Угуй принести дедушкину чернильницу и талисман подавления трупов. Увидев чернильницу, Мастер нахмурился:

— Чернила есть?

— Немного осталось, — ответила девочка и принесла коробочку.

Мастер вздохнул, вылил остатки в чернильницу, велел ученикам развязать гроб и, натянув чернильный шнур, принялся наносить защитные линии. Лу Угуй поразились: Мастер не использовал линейку, но линии легли идеально ровно.

Затем он взял меч из персикового дерева, приложил к нему талисман, что-то прошептал и с криком «Исполнить по закону!» приклеил талисман на крышку гроба.

— Готово! — выдохнул он. — Придем в день похорон. Запомните, эти дни по ночам, кроме Эр-я, никого живого здесь быть не должно. Уходите до заката. Что бы вы ни услышали ночью, не приближайтесь сюда.

Чжуан Фуцин и Сяошэн пообещали выполнить все в точности.

— Если будет страшно, протяни у входа чернильную нить, — посоветовал Мастер Лу Угуй. — Это надежнее, чем монеты.

Мастер отказался от обеда, забрал учеников и собрался уходить. У ворот он обернулся к девочке:

— Если что-то проберется в твою комнату, просто запри его там.

Когда все ушли, осталась только семья Чжуан Фуцина. Люди Лао Цая, обнаглев, снова потребовали денег. Чжуан Фуцин не хотел платить ни гроша. Началась перепалка. Лу Угуй сидела на пороге, подперев подбородок, и смотрела на них, а потом на Лао Цая, лежащего на земле. Дедушка говорил: «Люди порой страшнее призраков». Видя, что дело доходит до потасовки, она встала и преградила путь:

— Уходите.

— Не уйдем! Пока не решим вопрос, никто никуда не денется!

Сяошэн схватила Лу Угуй, затащила ее в комнату, заперла дверь и вызвала полицию. Приехавшие полицейские, выслушав обе стороны, заявили, что это гражданское дело, и посоветовали решать его в суде, после чего уехали.

Семья Чжуан Фуцина не могла оставить Лу Угуй одну. Солнце садилось, родственники Лао Цая начали бояться и хотели уйти, но другие их одергивали: «Не бойтесь, нет никаких духов! Это

все сказки, чтобы деньги выманивать».

Сяошэн отвела мать в комнату, позвала отца, заперла дверь на ключ и заставила Лу Угуй придвинуть стол к входу. Дом был кирпичный, на окнах — стальные прутья. Семья заперлась внутри, игнорируя крики и проклятия снаружи. Кто-то грозился залить гроб Даоса Сюя нечистотами. Лу Угуй, видя, что стемнело, натянула у входа чернильную нить.

Глава 10

Жители деревни Люпин знали, что от Даосской обители до Дикого горного лога тянутся сплошные тенистые земли, где солнце — редкий гость, и темнеет там рано. Когда в других местах еще виден закат, здесь уже глубокая ночь. Крестьяне всегда старались вернуться домой на час раньше, опасаясь «встретить нечисть».

Лу Угуй знала: как только солнце скрывается, тьма поглощает все вокруг. Натянув нить, она увидела в окно, как люди Лао Цая, подсвеченные лишь тьмой, кричат и проклинаят — зрелище было жутким. Она задернула шторы и наклеила на них талисманы.

— Чжуан Фуцин, не выйдешь? Сейчас я принесу нечистот и вылью на гроб!

— Я пошел!

— Уже иду!

Голос человека, направляющегося к выгребной яме, звучал как-то странно, будто плыл по воздуху. Лу Угуй вдруг почувствовала, что этот человек уже не вернется.

Раздался звон разбитого стекла — люди Лао Цая разбили окно.

У Лу Угуй был острый слух: она слышала, как один из родственников, дрожа от страха, просил уйти и вернуться завтра, но его одернули: «Чего боишься? Нет никаких призраков! Это все выдумки даосов ради наживы!»

Жена Чжуан Фуцина спросила мужа:

— Фуцин, дядя Ин же сказал не оставаться здесь на ночь. Не случится ли беды?

Чжуан Фуцин молчал, пытаясь нащупать в кармане сигареты, но не нашел их.

Сяошэн погладила мать по руке:

— Мама, не бойся. Эр-я живет здесь много лет, она знает, что делает.

— Что она может знать? — прошептала мать. — Все эти годы ее хранил только Даос Сюй. Если бы не он, Эр-я давно бы уже лежала в земле.